

М.Г. Качурин

Суд над бонапартизмом

Как к оценке поступков отдельных людей, так и к оценке исторических событий Толстой подходит с критериями добра и зла. Развязывание войны он считает величайшим проявлением зла: «...Началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие».

В стихотворении «Я к вам пишу случайно, право...» Лермонтов, рисуя кровавую битву, восклицал:

...Жалкий человек!
Чего он хочет? Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?

В оценке и в изображении войны Толстой близок великому поэту. Как и Лермонтов (вспомните стихотворение «Бородино»), он рисует незаметных, рядовых участников сражений — истинных героев. Как и Лермонтов, он противопоставляет жестокому делу войны мирную жизнь природы, которая дарует радость всему живущему на земле. Так изображалась война еще в «Севастопольских рассказах».

Война всегда «страшное дело». Но Толстой понимает, что участие в этом «страшном деле» может быть чудовищным преступлением и может быть вынужденной самозащитой, делом тяжким и кровавым, но необходимым, а значит, героическим и благородным. Поэтому писатель обличает тех, кто ведет захватнические войны.

Изображение в романе Наполеона и, шире, бонапартизма помогает нам понять, какие исторические силы порождают войну.

Познав величие вечного, доброго и справедливого неба, князь Андрей в бреду представляет себе тихое семейное счастье в Лысых Горах. «Он уже наслаждался этим счастьем, когда вдруг являлся маленький Наполеон с своим безучастным, ограниченным и счастливым от несчастья других взглядом, и начинались сомнения, муки, и только небо обещало успокоение».

Индивидуализм, безмерное властолюбие, жажду славы и почестей в сочетании с тупым равнодушием к людям, по трупам которых можно спокойно шагать к власти,— вот что осуждает Толстой с позиции чистого нравственного чувства. И хотя в своих теоретических рассуждениях Толстой утверждает, что причина, вызывающая войны, людям неизвестна, бонапартизм он рисует так, что заставляет читателя задуматься об истинных причинах войн, страданий и взаимного истребления людей.

Наполеона, как и других нравственно ущербных персонажей, Толстой лишает внутренней сложности и пластичности. Внешность этого «великого человека» ничтожна и смешна. Толстой не раз повторяет определения «маленький», «малый ростом», снова и снова рисует «круглый живот» императора, «жирные ляжки коротких ног». Здесь применяется характерный для Толстого прием: постоянное повторение какой-то одной выразительной особенности портрета (вспомним губку с усиками маленькой княгини, лучистые глаза княжны Марьи, великолепные плечи Элен).

Писатель подчеркивает холодность, самодовольство, напускное глубокомыслие в выражении лица Наполеона. Особенно резко вырисовывается одна его черта — позерство. Наполеон ведет себя как актер на сцене. Перед портретом сына он «сделал вид задумчивой нежности», жест его «грациозно-величественен». Наполеон уверен: все, что делает и говорит он, «есть история». И даже такое отнюдь не величественное явление, как дрожание икры левой ноги, выражающее его гнев или беспокойство, представляется ему

значительным, историческим. «Дрожание моей левой икры есть великий признак», – заявляет император.

Если Наполеон и меняется на страницах романа, то это не развитие, а дальнейшая нравственная и физическая деградация.

По мере того как разворачиваются исторические события, все отвратительнее становится внутренний и внешний облик Наполеона. В период Аустерлицкого сражения он еще сохраняет человеческие черты: «...на холодном лице его был тот особый оттенок самоуверенного, заслуженного счастья, который бывает на лице влюбленного и счастливого мальчика». Но годы идут. Новые сражения, новые трупы. Лицо остается холодным и все больше оплывает жиром. И вот в день Бородинской битвы мы видим страшно изменившийся, отталкивающий облик императора («желтый, опухлый, тяжелый, с мутными глазами, красным носом»).

Толстого не раз упрекали критики, историки, читатели за односторонность, карикатурность в изображении Наполеона, который в глазах множества людей был великим полководцем и государственным деятелем. Однако писатель, способный рисовать тончайшие нюансы внутренней жизни человека, последовательно и настойчиво отказывал Наполеону — персонажу своего романа — в «диалектике души». Толстой убежден, что в самом человеке, которого изображает художник, могут присутствовать или отсутствовать условия для полноты и многогранности изображения. Эти условия, по его мнению, есть в Кутузове, который хочет следовать духу народному и менее всего помышляет о себе; их нет в Наполеоне, который возомнил себя высшей ценностью, а в народе видит лишь материал для своего возвышения. «На что много любителей Наполеона, – писал он, – а ни один поэт еще не сделал из него образа; и никогда не сделает». Толстой в данном случае следует одной из ведущих идей русской классики, которую Пушкин высказал словами Моцарта: «гений и злодейство — две вещи несовместные», а Достоевский в «Записках из Мертвого дома» дал такую формулировку: «Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда...»

Можно полагать, что, рисуя Наполеона внутренне примитивным, Толстой тем самым сделал очень важный шаг к постижению истины, которая мучительно трудно дается людям. Своих тиранов они издавна наделяли непостижимой для человеческого разума сложностью, не желая или боясь видеть, что на самом деле тиранами движет чудовищное в своей примитивности себялюбие, жажда господства над себе подобными, какими бы словами эти стремления ни прикрывались.

Автор «Войны и мира» осудил бонапартизм не только в лице Наполеона. И представители высшей бюрократии, и штабные офицеры, и всемогущий Аракчеев, и тихонький Берг — все они жадно тянутся, ползут, рвутся к власти, к почестям, к материальным благам, забывая при этом о добре, справедливости и правде и лишь на словах заботясь о России...

Вот одна небольшая, но выразительная сценка. Полковой командир Ростова Богданыч получил приказание зажечь мост. Он направляет своих гусаров под ураганный огонь, на верную гибель. Штабные офицеры удивляются, зачем полковник послал так много людей, когда «тут бы двух молодцов послать, все равно бы». Но опытный в делах службы карьерист Жерков объясняет действия Богданыча: «Как вы судите! Двух человек послать, а нам-то кто же Владимира с бантом даст? А так-то, хоть и поколотят, да можно эскадрон представить и самому бантик получить. Наш Богданыч порядки знает».

Операция удалась.

«— Доложите князю, что я мост зажигал, – сказал полковник торжественно и весело.

— А коли про потерю спросят?

— Пустячок! – пробасил полковник, – два гусара ранено, и один наповал, – сказал он с видимою радостью, не в силах удержаться от счастливой улыбки, звучно отрубая красивое слово “наповал”».

Не правда ли, это «маленький Наполеон»? Разница только количественная: Бонапарту нужно мировое господство, а Богданьчу — орден.

Таких «маленьких наполеонов» мы часто встречаем в романе. Вспомним Василия Курагина, Бориса Друбецкого, Берга и всех тех, для которых в мире не существовало ничего, кроме их успехов. Таковы и «государственные деятели» вроде Растопчина. Толстой подчеркивает, что властолюбцы, мнящие себя вершителями судеб народных, чужды народу и далеки от него. Об этом свидетельствуют, например, знаменитые растопчинские афишки. Подделываясь под народную речь, Растопчин писал их фальшивым, шутовским языком. В то время как простой люд с недоумением относился к пошлым словам, аристократам нравилось, как Карпушка подтрунивал над французами, говоря, что они «от капусты раздуются, от каши перелопаются, от щей задохнутся, что они все карлики и что их троих одна баба вилами закинет».

Не зная народа, Растопчин и близкие ему люди убеждены: только им ведомо, что надо и чего не надо народу. Чиновник, читающий афишу Растопчина, в которой граф обманывает москвичей, утверждая, что Москва сдана не будет, говорит: «Для народа это нужно».

На самом деле Растопчин и ему подобные озабочены лишь собственным благополучием. Вспомним сцену расправы с Верещагиным, жизнью которого Растопчин пожертвовал, чтобы самому спастись. Разумеется, он находит оправдание: «Но я не для себя сделал это. Я должен был поступить так». И Наполеон считал, что он должен был делать то, что делал, во имя славы французской нации. Произнося свой суд над бонапартизмом, Толстой пишет: «С тех пор как существует мир и люди убивают друг друга, никогда ни один человек не совершил преступления над себе подобными, не успокаивая себя этою самою мыслью. Мысль эта есть *le bien public*¹, благо других людей». Толстой обличает бонапартизм как страшное общественное зло. Он показывает, что за громкими фразами больших и маленьких тиранов о народном благе таится эгоизм, бесчеловечность, стремление оправдать преступления, совершаемые во имя корыстных целей.

¹ *Le bien public* (франц.) — общественное благо.